

С. И. ШИДЛОВСКИЙ

Керенский. Общая характеристика

Керенский, сыгравший столь видную роль в составе Временного правительства, был впервые выбран в Думу четвертого состава. До этого он в широких кругах был совершенно неизвестен, выступая от времени до времени в качестве присяжного поверенного во всяких политических процессах и в делах, в которых можно было собрать материал для антиправительственной пропаганды.

В этой области, если не ошибаюсь, он принимал весьма энергичное участие в выяснении истории с рабочими на Ленских золотых приисках, ездил туда, опрашивал рабочих и, вообще, собирал обвинительный против администрации материал.

В Государственной думе его первые дебюты показали в нем молодого, не всегда достаточно уравновешенного, но очень горячего оратора, начинавшего свои речи сравнительно спокойно, но затем с появлением на его губах пены способного доходить до высших степеней неистовства.

Законодательной работой Думы он интересовался весьма мало, как и прочие его товарищи — социалисты, и появлялся на кафедре исключительно по запросам и в тех случаях, когда представлялась возможность говорить, по их словам, народу через голову Думы.

У нас в России всегда было много народа, который, принадлежа по своим политическим взглядам к весьма умеренным кругам, питал некоторую слабость к радикальным натурам и был способен ими увлекаться и переоценивать таковые.

Керенский в Думе принадлежал именно к таким лицам, которыми многие увлекались и которых ценили не по достоинству.

Правый фланге Думы в подавляющем большинства относился к нему отрицательно, но и то не лично, а как к человеку, принадлежавшему к заведомо враждебному лагерю; среди же партий, так сказать, левого центра были люди, которые принимали его всерьез, и неоднократно были делаемы попытки каких-то новых междупар-

тийных соглашений с привлечением к ним Керенского, из которых никогда ничего не удавалось.

Во всяком случае, личность Керенского в Думе переоценивалась, и известная вера в него у других, лучше знавших его, членов Думы держалась вплоть до того момента, когда, попав в правители государства, он показал всем свою истинную натуру, делающую его для мало-мальски крупной роли совершенно непригодным.

Авантюристом, преследующим какие бы то ни было личные цели, он никогда не был, но зато и не обладал ни одним из свойств, необходимых крупному деятелю, в какой бы то ни было отрасли.

Пафос и горячность еще никогда ничего не создавали, а твердости, знания людей и основательности в нем не оказалось.

В первые дни революции Керенский оказался в своей тарелке, носился, повсюду произносил речи, полные добрых желаний, не различал дня от ночи, не спал, не ел и весьма быстро дошел до такого состояния, что падал в обморок, как только садился в кресло, и эти обмороки заменяли ему сон. Придя в себя, он снова говорил без конца, куда-то уносился и так продолжалось день и ночь.

Он был так же, как Чхеидзе, и членом Временного комитета Государственной думы, и членом Совета рабочих депутатов, принимал это совмещение всерьез, старался служить промежуточным звеном, связывавшим эти два учреждения, лично гораздо больше симпатизируя Совету, но удавалось это ему плохо.

Когда он вошел в качестве министра юстиции в состав Временного правительства, он самым искренним образом считал себя, как и неоднократно говорил, заложником пролетариата¹ в буржуазном правительстве.

Своим назначением он был очень доволен, и я отлично помню, как в помещении Временного комитета он, лежа в кресле, горячо говорил о том, на какой недостижимый пьедестал он поставит в России юстицию.

Речь эта была горяча, искренна, оратор, по-видимому, забыл, что такими речами ничего не создашь, а нужно уметь творить, к чему, как оказалось, способностей у него не было.

Свою роль заложника у буржуазии Керенский принимал очень серьезно и, пользуясь тем, что за ним стоял Совет рабочих депутатов, представлявший реальную силу, не раз и не два, а в виде системы оказывал сильное давление на своих коллег по правительству, если они собирались поступить несогласно с его мнением.

Постепенно его роль в правительстве приняла совершенно ненормальный характер; он из рядового министра превратился в какого-то исполнявшего обязанности министра-уполномоченного Советом, имевшего право veto по отношению ко всем действиям правительства,

которое с таким положением весьма малодушно примирилось и тем самым выкопало себе яму, в которую потом и свалилось.

Керенский сам не понимал, что для руководства страной, хотя бы находящейся в состоянии революции, необходима больше, чем когда-нибудь, авторитетная власть, и что он занятой им позицией сам подрывает не только авторитет настоящего, но и всякого будущего правительства, в том числе и своего собственного, если ему суждено быть; между тем обстоятельства шли так, что усиление власти Керенского в какой угодно форме, до диктатуры включительно, делалось все возможнее.

Последовал частичный министерский кризис, после которого Керенский стал военным министром и главнокомандующим армией. Совмещение таких должностей само по себе нелепо и, в сущности, невозможно в разгар военных действий, особенно когда, подобно Керенскому, являешься сторонником войны во что бы то ни стало до победного конца, а он, несомненно, держался такого взгляда.

Взяв на себя такую неосуществимую задачу, Керенский, разумеется, не мог не остаться самим собою, т. е. верующим в беспредельную силу слова, и поэтому свел всю свою деятельность к речам.

Речи эти производили впечатление, зажигали, может быть, тех, до ушей которых они достигали, но заменить собою творческую работу они не могли. На фронт кое-где под влиянием его речей войска проявляли чудеса храбрости, но только в пределах действия этих речей, общий же развал, происходивший наряду с другими причинами и от неумения и непригодности власти, продолжался.

Наконец Керенский очутился во главе правительства. Временное правительство, первоначально поставленное Государственной думой и не сумевшее использовать тот авторитет, который оно должно было себе создать даже ценою своего падения в самом начале, постепенно отошло от власти, которая очутилась в руках Керенского, до того ею ослепленного, что он не заметил весьма опасного для него расслоения Совета рабочих депутатов и возраставшего влияния товарищей-большевиков.

Вообще, по мере, если можно так выразиться, карьеры Керенского все более вырисовывались слабые стороны его натуры, и хотя увлекавшихся им людей было еще довольно много, но зато увеличивалось и количество убеждавшихся в том, что ему с делом не справиться.

Все более очевидным становилось, что за его речами, которыми он увлекался все более и более, нет и тени того, чем он в этих речах старался казаться, что он, в сущности, человек слабовольный, увлекающийся внешностью, любящий театральность, и, вообще, не более, чем простой актер, безумно любящий свое театральное дело, но особенным талантом не отличающийся.

Достаточно вспомнить его появления на улице, а это он очень любил, не иначе, как в каком-то особенно великолепном автомобиле с развевающимся над ним громадных размеров флагом, не иначе, как в сопровождение большой военной свиты; всей этой обстановкой он, несомненно, наслаждался.

Жизнь в Зимнем дворце тоже доставляла ему известное удовлетворение, хотя лично он в своих привычках и манерах не имел ничего общего с тем парадом, которым он себя окружал.

Я вспоминаю рассказанное мне бывшим в то время министром иностранных дел М. И. Терещенко описание парадного приема Керенским вновь назначенного дипломатического представителя какой-то из малых держав, который должен был вручить главе правительства свои верительные грамоты.

В прежнее время это производилось по известному церемониалу; за посланником в занимаемое им помещение посылался придворный парадный экипаж с придворными чинами в парадной форме, которые везли всю миссию во дворец, где имела место аудиенция, на которой производился обмен речами и вручалась верительная грамота.

Разумеется, о соблюдении всех этих церемоний не могло быть и речи, но Терещенко был очень озабочен тем, чтобы эта аудиенция произошла, по крайней мере, в приличных условиях.

За новым посланником был отправлен автомобиль с чиновником Министерства иностранных дел, который привез посланника в Зимний дворец, бывший к тому времени достаточно загаженным соответственно привычкам его новых обитателей.

Большой парадный вестибюль, наполненный жившими, евшими и спавшими в нем солдатами, с соответствующей обстановкой и воздухом, затем хождение по бесконечным коридорам и комнатам, грязным, неприбранным, с толпой бродящих по ним, никому неизвестных людей весьма демократического облика, и шествие, наконец, попадает в ту комнату помещения Керенского, в которой должен произойти прием посланника.

Керенский сидит на окне, положив ногу на ногу, в своей обычной курточке и барабанит пальцами по окну. Посланник входит, делает самые изысканные поклоны. Керенский продолжает прежнее свое занятие, не обращая на это никакого внимания.

Терещенко, при этом присутствовавший, начинает волноваться и, пользуясь тем, что посланник по-русски не понимает, суфлирует Керенскому: «Александр Федорович, да встаньте же, так нельзя! А. Ф., да подайте посланнику руку и т. д.»

Посланник начинает читать свою верительную грамоту, Керенский немедленно возвращается к окну, принимает прежнюю позу

и смотрит в окно, как будто ему дела нет до того, что в комнате происходит.

Терещенко опять волнуется: «А. Ф., да встаньте же! А. Ф., да отвечайте же посланнику и т. д.» Наконец, аудиенция кончается кое-как, Терещенко успокаивается, посланник добирается до автомобиля, и неловкое положение кончается.

В своих речах, к которым у Керенского была большая склонность, он, несомненно, играл как актер, может быть, сам того не сознавая, причем особенную слабость он имел к амплу трагика.

Я не могу сказать, чтобы он был талантливым трагиком; мне приходилось видеть на сцене трагиков с европейской репутацией, которым он, конечно, в подметки не годился, но в провинции, во второстепенных труппах, таких трагиков встретить можно. Мне почему-то кажется, что Керенский в юности, наверное, был большим любителем сценического искусства, играл в любительских труппах и поражал уездных барышень силою своей экспрессии.

При этом, желая все-таки оставаться беспристрастным, я должен сказать, что притворства сознательного со стороны Керенского не было, и, всегда играя, он бывал искренно убежден, что он не играет, а делает дело и что именно такими образом дела делаются.

За это, для таких натур, как он, неизлечимое убеждение пострадали и он, и верившая в него Россия, что доказывает, что и человечеству в крупном масштабе свойственны ошибки в понимании и оценке людей, ничем не отличающиеся от ошибок никогда ничего не видавших уездных барышень.

Керенский считал себя героем и крупным деятелем, не будучи ни тем, ни другим; в этом — капитальный его недостаток, которому очень способствовало и то, что таковым же считали его многие люди.

В способность масс справедливо оценивать как отдельных людей, так и, вообще, отдельные факты я верю очень мало, а в революционное время, когда наступает состояние массового неравновесия, своего рода массовый психоз, эта способность утрачивается совершенно.

Карьера Керенского в роли спасателя отечества служит лишним доказательством правильности моего воззрения, подтверждаемого целым рядом исторически известных фактов. Поговорка «суд народа — суд Божий» по существу неправильна и является, может быть, пережитком давнишних времен, от которых теперь и следа не осталось.

